

THE PHILOSOPHICAL PROCESS IN POST-SOVIET UKRAINE

Denys Kiryukhin

H. Skovoroda Institute of Philosophy of the NAS of Ukraine
ORCID: 0000-0002-3686-3882

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2022.01.00010>

Abstract: *Philosophy played an important role in the Soviet political system because it provided ideological legitimization for the regime. Therefore, throughout the existence of the Soviet Union, the authorities and general populations showed a great interest in the works of philosophers. The collapse of the Soviet Union and its Marxist-Leninist ideology led to philosophy's losing its privileged political status in the successor states. In Ukraine, the focus of intellectual life turned not to philosophical questions but to the discussions about national identity. As a result, the socio-political role once played by philosophers has been taken up by historians, philologists, writers and artists. In addition, the philosophy of the first years of Ukrainian independence sought to distance itself as much as possible from political issues. The situation began to change only after the Maidan protest, which became not only the subject of philosophical reflection itself, but also stimulated the active appeal of socio-political issues among Ukrainian philosophers and the reappearance of society's interest in philosophical issues.*

As the article shows, in post-Soviet times, philosophers in Ukraine undertook painstaking and complex work, during which they made the radical reforms of teaching philosophical disciplines, rethought the legacy of Marxism and started the process of creating a modern Ukrainian philosophical language. During these 30 years since independence, a new generation of Ukrainian philosophers has grown up and has made its presence known. This new generation also engaged in work in those areas that previously did not develop in Ukraine, and, as a result, is no longer guided by the philosophical traditions of Soviet times.

In conclusion, the study made it possible to answer the question of which philosophy we mean – post-Soviet philosophy, Ukrainian philosophy or philosophy in Ukraine – when we talk about the philosophical process in post-Soviet Ukraine.

Key words: *Soviet philosophy, Marxism-Leninism, Ukrainian philosophy, identity, Ukraine*

The full-text article is available in Russian.

ФИЛОСОФСКИЙ ПРОЦЕСС В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

Денис Кириухин

Институт философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины
ORCID: 0000-0002-3686-3882

Аннотация: В советской политической системе философия играла важную роль, поскольку обеспечивала идеологическую легитимацию режима. Поэтому на протяжении всего существования Советского Союза власть проявляла большое внимание к работам философов, да и в обществе к ней был значительный интерес. Крах Советского Союза и марксистско-ленинской идеологии привел к тому, что философия утратила свой привилегированный политический статус. В случае Украины в центре интеллектуальной жизни оказались не философские вопросы, а дискуссии о национальной идентичности. В результате ту общественно-политическую роль, которую в советские времена играли философы, заняли историки, филологи, писатели и деятели культуры. Однако, с другой стороны, и сама философия первые годы украинской независимости стремилась максимально дистанцироваться от политических вопросов. Ситуация стала меняться только после Майдана, который сам стал предметом философской рефлексии и стимулировал активное обращение украинских философов к социально-политической проблематике, а также заметное в последние годы появление в обществе интереса к философской проблематике.

Как показано в статье, в постсоветские времена философами в Украине проделана достаточно кропотливую и сложную работу, в ходе которой была проведена радикальная реформа в сфере преподавания философских дисциплин, переосмыслено наследие марксизма и был начат процесс создания современного украинского философского языка. За годы независимости выросло новое поколение украинских философов, активно заявившее о себе в последнее десятилетие. Оно проявляет себя, в том числе, и в отраслях, которые ранее в Украине практически не развивались, а, соответственно, уже не ориентируются на философские традиции советских времен. Проведенное исследование позволило в заключении ответить на вопрос, о какой же философии мы ведем речь, когда говорим о философском процессе в постсоветской Украине – постсоветской философии, украинской философии или философии в Украине?

Ключевые слова: советская философия, марксизм-ленинизм, украинская философия, идентичность

В 1967 году один из наиболее влиятельных западных советологов Юзеф Бохеньский констатировал: «философия в Советском Союзе является более значимым фактором, чем в любой некоммунистической стране» (Bocheński 1967: 6). Ей в СССР и в самом деле отводилась ключевая роль. Никогда ранее философия как научная дисциплина не получала такого влияния на политическую сферу: она определяла идеал нового человека, обосновывала логику и смысл революционных преобразований и обеспечивала легитимацию политического режима. Отсюда высокий статус философской науки в советской неформальной иерархии гуманитарных наук и неподдельный интерес общества к философским работам. Отсюда и то, что внутривластная борьба в РКП(б)/ВКП(б), которая еще была возможна в 20-е годы, была в то же самое время часто и философской дискуссией. Отсюда, наконец, и особое внимание власти к содержанию работы философов, проблематика и общее направление которой при необходимости корректировались, как это было, например, в знаменитом выступлении Андрея Жданова в ходе философской дискуссии в связи с выходом книги Георгия Александрова «История западноевропейской философии».¹ Павлу Копнину (1922 – 1971), возглавлявшему Институт философии вначале в Киеве, а затем в Москве, приписывается сформулированное еще в 1960-е годы достаточно точное определение советской философии как по существу герменевтической, ориентированной на поиск единственно верного прочтения главной доктрины (см.: Dmitriev 2010: 21). Не удивительно, что философия в Советском Союзе разделилась по принципу отношения к этой доктрине на официальную (связанную с обоснованием идеологии), полуофициальную (тот же ильенковский марксизм или теория превращенных форм Мераба Мамардашвили) и неофициальную (работы Сергея Аверинцева или Алексея Лосева). А степень развитости и профессиональный уровень последних двух, собственно, и определял то, насколько можно говорить о философском процессе в той или иной советской республике. Нужно отдать должное проницательности австралийского философа-марксиста Евгения Каменки, который еще в 1963 году в статье о советской философии констатировал: работа по созданию систематической марксистской философии фактически завершена, и максимум, чего можно ожидать от советской философии в будущем – это «скромного вклада в логическую теорию, философию науки, онтологию, развитие реалистической теории знания и эмпирической теории сознания, а также в обсуждение эмпирического содержания этических и эстетических суждений» (Каменка 1963: 19). Собственно, скромность этого вклада и была связана с ограничениями, которые накладывал на философскую работу ставший идеологической догмой советский марксизм.

В Советском Союзе существовало несколько центров философской мысли, одним из которых была Украина, что и не удивительно, принимая во внимание философскую культуру Киевского университета (Императорский университет Святого Владимира), Киевской духовной академии и Киево-Могилянской академии. В

¹ Критикуя философов, Жданов, в частности, говорил: «Наша партия крайне нуждается в подъеме философской работы. Те быстрые изменения, которые каждый день вносит в наше социалистическое бытие, не обобщаются нашими философами, не освещаются с точки зрения марксистской диалектики» (Ždanov 1952: 36).

1920 – 30-е годы в республике был короткий период активного развития марксистской философии (философию этого периода еще иногда называют раннесоветской), преимущественно, на базе Всеукраинской академии наук. Но он фактически не оставил наследия, поскольку все его влиятельные представители были репрессированы, а философский процесс прерван и возрожден только после войны. Активное развитие философии в советской Украине, как и в Советском Союзе в целом, началось с хрущевской оттепели, а центром философской жизни стал созданный в 1946 году Институт философии. В нем в 1960-е годы под руководством Копнина сформировалась школа исследователей логики и методологии науки и началось изучение латиноязычного схоластического наследия Киево-Могилянской академии, для чего со всей Украины собирали знатоков классических языков, перед которыми было поставлено задание заняться переводом трудов на украинский с латыни. Сменивший Копнина Владимир Шинкарук (1928 – 2001) содействовал развитию исследований в антропологическом ключе трудов Канта, Гегеля и Маркса, а также тому, что одной из центральных тем в институтских работах стала проблема сознания.

Советская эпоха оставляла мало пространства для философской свободы. А Киев в этом отношении, по сравнению с Москвой, был в более простой и в более сложной ситуации одновременно. В более простой, поскольку основная ответственность за разработку идеологического курса лежала все же на Москве, а значит, работу в Киеве можно было ориентировать на логику, гносеологию, философию науки, эстетику, где соприкосновение с официальной доктриной осуществлялось по минимуму (туда, как правило, и стремились самые талантливые). В более сложной, поскольку все основные материалы и источники находились, опять-таки, в Москве и зачастую попадали в Киев уже прочитанные глазами московских философов. При этом Киеву приходилось еще и находить сложный баланс между решением двух задач – исследованием истории философской мысли на Украине и критикой украинского национализма. В 1972 году двух сотрудников киевского Института арестовали за антисоветскую деятельность, а сам Институт был обвинен в том, что в его проблематике мало тем, «непосредственно связанных с борьбой против сионизма и украинского буржуазного национализма» (Seremeta 2013: 98). Тем самым философам напомнили, что в глазах власти только идеологическая борьба оправдывает существование их цеха.

В работе «Философия и политика» Ханна Арендт делает одно любопытное замечание:

После неудачи Сократа в суде стало ясно, что город не является безопасным местом для философа, ... он не безопасен для его жизни в виду того, что философ владеет истиной. (Arendt 1990: 75)

Как показывает опыт Советского Союза, полис действительно может нести опасность для философа, но не только в том смысле, на который указывает Арендт, то есть, когда философ проявляет мужество высказывать истину, но и когда полис, доверившись философу, принимает его истину. Вот и в основе советского модернизирующего проекта лежало философское учение. Но как только это учение из философской истины стало основой для организации политической власти, любая критическая

рефлексия или сомнение оказывались в таком случае сомнением не только в истине, но и в самой власти, отсюда и особое внимание последней к философскому процессу. Поэтому именно в тот момент, когда философия, казалось бы, достигла своего наибольшего влияния, она потеряла свободу, а значит и саму себя — ее деятельность оказалась подчинена уже политическим, а не собственно философским задачам.

Свобода и утрата

С развалом Союза канула в лету и советская философия, которая была нежизнеспособна вне марксистско-ленинской идеологической системы. Сожаления по этой философии никто особо и не высказывал: в позднесоветские времена она окончательно превратилась в схоластическое, в негативном смысле этого слова, учение, едва ли интересное даже тем, кто им непосредственно занимался. Между тем, возможности, которые открывала свобода академической деятельности, захватывали воображение, а задачи по реорганизации философского процесса не оставляли места для ностальгии.

Хотя мы и противопоставляем советскую философию и философию, которая стала развиваться в независимой Украине, это не следует понимать так, будто философский процесс после краха Советского Союза был сформирован заново, с нуля. В сфере философии, в частности, не было такого межпоколенческого конфликта, как это наблюдалось в той же литературной среде, когда, например, в 1992 году на съезде союза писателей молодой поэт Владимир Цибулько начал свое выступление перед маститыми классиками украинской литературы с обращения «Господа инвалиды творчества!» (Цит. по: Hnatyuk 2005: 198).¹ В постсоветской независимой Украине нашла свое продолжение та философия, которая сформировалась в советские времена в «тени» официальной доктрины, где как раз теплилась какая-то жизнь в условиях жесткого идеологического диктата, и стала постепенно развиваться по мере ослабления государственного контроля. Лешек Колаковский когда-то отметил касательно интеллектуальной жизни Восточной Европы второй половины 1980-х годов, что коммунистическая идеология не рухнула в одночасье, а в какой-то момент на нее просто перестали обращать внимание, поскольку все уже мыслили и работали вне ее рамок. Это в полной мере касается и ситуации с философией в Украине. Многолетний ученый секретарь Института философии Петр Йолон (1933 – 2019)

¹ Это не означает, что в философии и в гуманитарных науках, вовсе отсутствовал этот конфликт поколений и мировоззрений. Например, в 1999 году киевская газета «День» опубликовала письмо аспиранта Львовского государственного университета имени И. Франко, в котором он, в частности, пишет: «Преподаватели исторического материализма, диалектического материализма и научного коммунизма, которые получили ученые звания и должности при тоталитарном промосковском режиме в Украине, продолжают читать лекции и публиковать статьи и монографии, пропагандировать старое мировоззрение, старые методы преподавания философии, психологии. Гуманитарные науки требуют безотлагательной декоммунизации и развития в направлении подлинного познания человека и мира» (Karivcs 1999). Но этот конфликт не стал сколь ни будь заметным явлением в философии, в отличие от литературы, где в уже 1990-е годы, к неудовольствию классиков украинской советской литературы, появилась группа молодых писателей (так называемый «станиславский феномен»), произведения которых быстро завоевали популярность и по своему влиянию вышли за пределы литературной сферы.

делает очень показательное замечание: академическая комиссия, проводившая в 1990-х годах аттестацию научной деятельности Института философии, в своих выводах отметила, что институт является «одним из немногих научных учреждений гуманитарного профиля, где с падением тоталитарной системы не было необходимости существенно менять научно-исследовательскую тематику и идейные подходы к ее разработке» (Jolon 2017: 55). И действительно, исследования в той же сфере истории философии в (в советские времена использовали предлог «на») Украине или исследования немецкого трансцендентального идеализма, которые проводились в институте с шестидесятых годов, равно как и разработка проблем познания, культуры, практической философии и философской антропологии нашли свое продолжение и после краха Союза.

А вот где с самого начала потребовались радикальные преобразования, так это в сфере преподавания философии. Одной из первоочередных задач было изменение преподавания курсов философии, в отношении принципов построения которых в украинском философском сообществе уже в самом начале 1990-х годов развернулась дискуссия.¹ Новые учебники – первый из них был написан коллективом авторов, в который входили сотрудники Института философии и преподаватели Киевского университета, уже в 1993 году – стали появляться в массовом количестве, хотя далеко не всегда пристойного качества. Как отмечает нынешний директор Института философии Анатолий Ермоленко (р. 1952), на какое-то время

учебники стали чуть ли не главным жанром в научно-преподавательской работе высших учебных заведений. Особенно это явление приобрело искаженные проявления тогда, когда Министерство образования и науки приняло решение об обязательности написания учебника под его грифом для получения ученых званий. Это привело к тому, что в определенный период чуть ли не каждый доцент или профессор должен был издать свой учебник, а университеты щеголяли чуть ли не «полным собранием учебников»; за это давали государственные премии, звание членкоров и академиков. Эту работу вряд ли можно назвать плодотворной, ведь новые учебники по большей части были только «перелицовыванием» ... устаревших концепций марксистско-ленинского пошиба, заменой диалектического материализма на диалектический идеализм. (Jermolenko 2016: 90)

Указанные проблемы и недостатки удалось в значительной мере преодолеть, когда появились издания авторских курсов лекций, либо учебников, написанных на основе читавшихся в вузах авторских курсов ведущих украинских философов – например, «История украинской философии. Курс лекций» Вилена Горского (1931 – 2007), «Коммуникативная практическая философия» Анатолия Ермоленко, «Этика. Курс лекций» Виктора Малахова (р. 1948), – и за счет переводов западных учебников (в частности, в Киеве были изданы «Основы метафизики» Эмериха Корета, «Введение в континентальную философию» Саймона Кричли, «Политические теории современности» Клауса Байме и многие другие).

¹ Подробнее о том, как изменялась программа преподавания философии в Украине в 1990-е годы см.: Minakov 2014.

Академическая свобода открыла для украинского философского сообщества доступ к литературе, чего оно было лишено ранее, но одновременно породило и проблему нехватки украинских изданий классики философской литературы и наиболее важных современных работ. Поэтому если философское образование началось в постсоветской Украине с написания новых учебников, то собственно философский процесс во многом начинается с переводов. Задача переводчиков философских текстов состояла не просто в том, чтобы познакомить с ними тех, кто не имел возможность прочесть их в оригинале. Она с самого начала осмысливалась как более масштабная, а именно – создание украинской философской терминологии, современного украинского философского языка (Jermolenko 2016: 94), с тем, чтобы перестать смотреть «на западные философские направления глазами современных российских переводчиков и исследователей» и тем самым «уравновесить одностороннее влияние русской рецепции мировой философии обращением к другим философским традициям» (Josypenko 2019: 39). Пожалуй, можно сказать, что в то время, как написание учебников стало на достаточно продолжительное время в Украине главным жанром научно-преподавательской работы, переводы, комментирование, формирование терминологического аппарата на украинском языке стали главным жанром философской научно-исследовательской работы. Активная работа над переводами, сопровождаемая иногда достаточно жаркими дискуссиями по поводу точности передачи того или философского понятия на украинский язык, продолжается и сейчас (сегодня много внимания уделяется переводам работ философских классиков, в особенности Канта и Гегеля).

Получив свободу, философия в Украине вместе с тем утратила тот привилегированный статус (равно как и доступ к ресурсам), который у нее был в советские времена. Снизился и общественный интерес к философским исследованиям. В частности, профессор Анатолий Лой (р. 1947) отмечает: «Во времена моей молодости наши (философские) монографии расходились среди нефилософов: если не выкупишь достаточного количества экземпляров, чтобы пораздавать знакомым – все, потом их уже было не купить», тогда как сегодня «нет востребованности» (Loj et al. 2021: 182).¹ Но эта невостребованность обществом философских исследований не является следствием снижения интереса к гуманитарному знанию в целом. Она связана с тем, что современное украинское государство (политическое сообщество) основывается на других основаниях, чем советское.

Независимая Украина не требовала, как это было в советские времена, к примеру, масштабного критического анализа теорий общественного развития. Последние в постсоветские времена в большинстве случаев воспринимались некритично, вне внимания к той дискуссии, которая шла по их поводу в западном мире, а просто под влиянием моды или авторитета, который имел тот или иной их создатель (лучшей иллюстрацией этому является то, с какой легкостью была принята теория конца истории Френсиса Фукуямы). Центральная теоретическая и

¹ Снижение интереса общества к философии отмечается повсеместно. См.: Jermolenko et al. 2019: 23–30.

практическая проблема для украинского общества в первые годы независимости, да и во многом сегодня – это проблема идентичности, дискуссии относительно которой ведутся в среде украинских интеллектуалов еще с XIX века, когда поиски ответа на вопрос о том, кто мы такие и где пролегают границы нашего сообщества, захватили сознание народов Восточной Европы. Советский проект вырвал Украину из этих восточноевропейских дискуссий об идентичности, но с провозглашением независимости поиски видения бытия Украины между Востоком и Западом,¹ или, как обозначал Милан Кундера пространство Восточной Европы, между Германией и Россией, стали главной теоретической задачей для украинских интеллектуалов и практической задачей для политического класса. Знаменитый кундеровский вопрос о том, является ли коммунизм отрицанием русской истории или ее осуществлением, был первым из тех, что возник в рамках возрожденных споров о том, как нам следует понимать Украину. Интеллектуалы дали на него однозначный ответ – советский период является отрицанием украинской истории. Отсюда и метафора «духовного Чернобыля», которая использовалась для обозначения последствий советского модернизационного проекта для украинской культуры, и оценка всего советского периода как эпохи тоталитаризма, без попыток, которые мы видим в той же России, как-то его оправдать. Отсюда, наконец, и особая роль истории, обращение к которой стало инструментом обоснования национального суверенитета.

В новых условиях философские, а большей степени историко-философские, исследования были хотя и чрезвычайно важны, однако центр интеллектуальной жизни сместился в сферу литературно-культурологических и исторических исследований. Некоторая периферийность философского знания на политическом поле в этом случае объяснима, поскольку философия может меньше предложить для воображения сообщества, чем это делают писатели, культурологи или публицисты, действующие в сфере образов и эмоций. Вот почему именно их работы в независимой Украине вызывали и продолжают вызывать несравнимо больший общественный интерес и влияние, чем работы философские. Доказательством этому является то, что резонанс в интеллектуальной среде вызывают только те философские исследования, в центре внимания которых именно вопросы национальной идентичности, как, например, книги Мирослава Поповича (1930 – 2018) «Очерк истории культуры Украины» и «Красное столетие» или книга Оксаны Забужко (р. 1960) «Философия украинской идеи и европейский контекст», выдержавшие уже несколько изданий. При этом сами философы как публичные интеллектуалы играли и продолжают играть заметную роль в культурной и общественно-политической жизни страны. Но не философия как академическая дисциплина.

Однако не только власть перестала вмешиваться в работу философов, но долгое время и сами философы, переживая глубокую травму, вызванную идеологическими ограничениями для мышления и подчинением их деятельности политическим целям, стремились максимально дистанцироваться от власти. Своеобразное бегство от политики почти на полтора десятилетия стало одним из

¹ Например, польский исследователь Оля Гнатюк выделяет пять видений украинскими интеллектуалами того, что представляет собой Украина и ее культура. См.: Hnatyuk 2005: 346–347.

принципов, на котором строился философский процесс в Украине. В постановлении II Всеукраинского философского конгресса, который прошел в 1995 году в Киеве, прямо говорилось, что «первым и необходимым условием существования и развития философской культуры является деполитизация философского сознания индивида и общества», а также подчеркивалась необходимость свободы «философской мысли от какой-либо политики» (цит. по: Minakov 2014: 401). Собственно, эта установка, которая содействовала и настроенному отношению к политической философии, до конца не изжита и сегодня. Например, в Институте философии все еще нет отдела или сектора политической философии.¹ Да и в университетах на философских факультетах курсы политической философии начали читаться, и то не везде, лишь начиная с 2010-х годов. Первый, и пока единственный, украинский учебник по политической философии был издан в 2012 году (см.: Ševčuk 2012).

Политические протесты 2004 года и 2013 – 2014 годов, заметное участие в которых принимали и многие представители философского сообщества, стимулировали изменение отношения украинской философии к политике. Майдан стал не только одним из ключевых событий в истории независимой Украины, но и событием в философии – содействовал началу осмысления философами текущих политических процессов в стране и сам стал предметом философского анализа (Майдан для украинских философов в первую очередь выступил как дискурсивное пространство (см.: Jasna et al. 2016)). А в контексте настоящего исследования чрезвычайно важно то, что под непосредственным влиянием политических событий в украинской философском сообществе, в ходе целого ряда круглых столов, семинаров и конференций, посвященных осмыслению феномена Майдана, было положено и начало осмысления роли философии в социально-политическом пространстве современной Украины. В частности, Анатолий Ермоленко с позиций дискурсивной этики определил политическую роль философии следующим образом: «разрабатывать процедуры и методы аргументации для того, чтобы, в конце концов, показать и рассказать участникам дискурса, каким образом прийти к согласию и не попасть в ловушки предрассудков и предубеждений» (Jasna et al. 2016: 30). Иными словами, роль философии состоит в том, чтобы быть хранительницей рациональности в обществе.

Эта позиция, которая, по крайней мере пока, еще не получила широкой поддержки в среде украинских интеллектуалов, фиксирует отказ от «бегства от политики» и, в то же время, диссонирует со сведением значимости философии к вкладу в дискуссию о национальной идентичности, в которой доминирующие позиции занимают другие дисциплины. Впрочем, политические трансформации Украины последних лет в значительной мере позволили разрешить вопрос об идентичности, определив ее достаточно однозначно, и для философии, в особенности если мы говорим о развитии политической философии, появились новые возможности. Это не

¹ Вопрос о его создании уже обсуждается. Кроме того, в Институте в 2019 году начал работу семинар по политической философии, которой были посвящены и специальные выпуски журнала «Філософська думка» в 2020 и 2022 годах. Многие исследовательские вопросы, над которыми работает Институт – свобода, легитимность, демократия, общественное благо – это фактически те вопросы, которыми занимается политическая философия.

только развитие рациональности и критической рефлексии, но и возвращение к выполнению функции обеспечения идеологической легитимации и теоретического обоснования государственной политики.¹ Как справедливо указывает Джон Ролз, политическая философия всегда находится под угрозой ее использования для обоснования и защиты status quo (Rawls 2001: 4), то есть того, что ее могут использовать в идеологических целях, как это было в советские времена. Для постсоветских обществ, с их крайне слабыми демократическими институтами и неразвитостью социальной критики, в рамках которой философы могли бы реагировать на политические процессы (собственно говоря, это единственная роль, выполняющая которую, философы не несут угрозу демократии), такая опасность чрезвычайно высока.

Проблема советского марксизма

Мы прожили прекрасную жизнь – но прожили ее зря. Эта мысль Бориса Грушина (см.: Dmitriev 2010: 21) отражала самоощущение очень многих марксистов после завершения советской эпохи. Для людей, которые значительную часть жизни отдали на развитие советской философии или просто работали в рамках ее теоретической парадигмы, постсоветская ситуация, связанная с отказом от марксизма-ленинизма как государственной идеологии и как базовой методологической основы гуманитарных исследований, часто оказывалась экзистенциальной проблемой. В украинских реалиях эта проблема, казалось бы, должна была быть обострена более жестким, чем

¹ Вопрос о необходимости идеологии рассматривается в двух аспектах, причем в обоих случаях подчеркивается, что речь не идет о каком-то восстановлении тотальной идеологии, а лишь о необходимой для человека и государства наборе ценностей и смыслов (однозначно сложно сказать, является ли такое противопоставление самообманом или на самом деле те, кто его проводят, придерживаются иного, чем в советские времена, понимания общественно-политической роли идеологии и роли философии в ее обосновании). С одной стороны, речь идет о необходимости идеологического обеспечения государственного развития: «специфика современного этапа развития украинской духовности в немалой степени определяется насущными потребностями необходимого идеологического обеспечения политики государственного руководства. Речь не идет о создании какой-то новой суперидеологии, призванной регламентировать образ жизни и даже мышление всех граждан Украины, а про определение и последующее приумножение системы основополагающих государственных и общечеловеческих ценностей, поддерживаемых большинством нации» (Boychenko 2013: 208). С другой стороны, речь идет об идеологии как мировоззрении, наборе ценностей и смыслов: интеллектуальный контекст современной Украины определяется «невыносимой нехваткой идеологии... Я не призываю к выработке и директивному насаждению единой и тотальной для всех идеологии, но мировоззренческо-идеологические акценты, какая-то матричная духовно-интеллектуальная помощь современнику в становлении смыслов собственной жизни должны быть» (Kebuladze et al. 2017: 11). Показательна в этом отношении и позиция социального философа Николая Михальченка (1942 – 2021), автора изданных в советские времена работ «Коммунистическая идеология и деятельность масс» (1976) и «Политическая идеология как форма общественного сознания» (1981), который в книге «Украина как новая историческая реальность» (2004) пишет: «идеологическая диктатура (даже в религиозной форме) скрывает в себе множество опасностей. Но не менее опасен для государственности тезис о деидеологизированном государстве. Каждый народ, каждая нация, каждое государство, чтобы сохранить себя должны иметь свою идеологию» (Mihal'chenko 2004: 200). Нужно признать, что далеко не все украинские философы поддерживают идею о необходимости установления единой государственной идеологии (см., например: Tur 2006: 342).

в ряде других постсоветских стран, отталкиванием от советского прошлого, которое большинством украинских интеллектуалов было однозначно оценено как эпоха тоталитаризма. И действительно, для ряда философов постсоветское развитие украинской философии должно было строиться во многом через отрицание советского периода и марксизма. Сторонники такой позиции не считают принципиальным различие марксизма-ленинизма и, например, западного неомарксизма, возлагая на марксизм в целом ответственность за трагические события XX века, а потому выступают за всестороннюю декоммунизацию. Другие же (они были склонны проводить десоветизацию, но не отказываться от марксизма, по крайней мере, в его западной интерпретации, придерживаясь, подобно Жаку Деррида, позиции о необходимости различения марксизма и ленинизма, и именно последний сближают с тоталитаризмом), стремились показать, что вопреки официальной доктрине марксизма-ленинизма или параллельно с ней в советские времена в Киеве проходил и относительно свободный философский процесс, достойный внимания и продолжения. Для реализации этой задачи понадобилось переосмыслить наследие украинских советских философов. В этом отношении весьма симптоматичным является название книги одного из ярких представителей философов-шестидесятников Виталия Табачковского (1944 – 2006), в которой осмысливается развитие философии в советские времена в киевском Институте философии: «В поисках неутраченного времени» (2002).

Первая половина 1990-х годов – это период «самопересмотра» украинскими философами собственных «книг эпохи тоталитаризма, соотнося их текст – с контекстами и подконтекстами» (Табачковс'кuj 2002: 9), равно как и попыток концептуального осмысления наследия советских времен. Зачастую такой самопересмотр не так уж и сложно было сделать, поскольку для многих из них ссылки на доктринальные положения были лишь необходимыми формальными составляющими текста, ориентированного на проблематику, последовательное рассмотрение которой выводило на замки официальной ортодоксии. Эта работа по пересмотру и переосмыслению позволила сформироваться представлению о том, что в советские времена на базе Института философии возникла Киевская школа философии, которую отличала гуманистическая, согласно одним, или персоналистская, согласно другим (Melkov 2014: 70), интерпретация марксизма. Как утверждают исследователи, было бы «безосновательно жестко привязывать функционирование Киевской философской школы с советской философией в Украине, в частности в Киеве. Действительно, таким был контекст ее возникновения. Однако сама эта школа ... переросла этот контекст» (Boychenko 2015: 56). Так что хотя сама по себе Киевская школа была внесоветским (антисоветской по своей направленности она быть не могла, поскольку на протяжении десятилетий развивалась в рамках официальной академической философии) явлением, она оказалась тем «советским» наследием, сохранение которого представлялось значимым.

Ряд исследовательских публикаций, издание трехтомника избранных сочинений Владимира Шинкарука и написанной еще в 1969 году докторской диссертации Марии Злотиной (1921 – 2000) «Общие законы развития и принцип

отражения», а также целый ряд научных конференций, проходивших в Институте философии на протяжении 1990-х – первой декады 2000-х годов, позволил выработать общее представление о ключевых персоналиях Киевской школы, основателем которой считается Шинкарук, и о ее основных положениях. К последним, согласно Виталию Табачковскому, относится постулат о том, что

Человеческое бытие, осмысливаемое в понятиях «экзистенция», «время», «свобода», имеет значение не человека вообще (рода и вида *homo sapiens*), а отдельной человеческой личности, «каждого из нас». (Табачковс'кыj 2002: 83)

Табачковский показывает, что киевские философы в советские времена, во многом благодаря обращению к работам молодого Маркса, совершили эволюцию от вопросов всеобщего в человеке, на что делал упор марксизм-ленинизм, к индивидуально-экзистенциальной, мировоззренческой проблематике, почему Киевскую школу еще называют Киевской мировоззренческо-антропологической школой философии.

Наследие школы интерпретируют и с украиноцентрических позиций. В частности, делается акцент на том, что в рамках Киевской школы возник академический украинский неомарксизм, а затем и постмарксизм, для которого на самом деле не была чужда национальная проблематика.¹ Определенные основания для такой интерпретации существуют, поскольку работы тех, кого принято считать представителями школы, были достаточно разнообразны по тематике – от генезиса форм мышления и вопросов семантики до исследования философии Григория Сковороды и славянской мифологии. Признавая несколько абстрактный и морализаторский характер украинского неомарксизма, как он сформировался на протяжении 1960-х – 1980-х гг. прошлого века, сторонники такой интерпретации демонстрируют в своих исследованиях, что он (украинский неомарксизм) развивался в одном интеллектуальном и культурном пространстве с украинским национальным диссидентским движением², тем самым фактически косвенно содействовав развитию последнего и став важным этапом развития украинской философской мысли.

В постсоветские времена Киевская школа – это не актуальный философский процесс, а сфера воспоминаний. Практически нет тех, кто идентифицирует себя как представителя этой школы, а экзистенциально-мировоззренческие вопросы уже не рассматриваются философами на основе диалектического метода. Не нужно списывать со счетов и то, что в наши дни «сам язык, которым написаны работы отечественных мыслителей недавнего прошлого, воспринимается подчас как безнадежно устаревший и просто малопонятный» (Melkov 2014: 84). Последнее обстоятельство чрезвычайно важно. Те, кого относят к представителям Киевской школы, работали в замкнутой на самую себя «системе» и поэтому не сталкивались с проблемой трансляции своих идей «за пределы» социалистического лагеря и

¹ «Это определено украинский неомарксизм, где национальное не является просто формой; общечеловеческое и национально-украинское здесь выступают в тесной связке» (Hrabovs'kyu 2014: 353).

² Киевский философ-диссидент Василий Лисовый (1937 – 2012) делает важное замечание: «между более широким интеллектуально-культурным движением шестидесятников и профессиональной (академической) философией 60-х – 80-х годов не существовало резкой границы не только в идейном отношении, но и под углом зрения персоналий» (Lisovyj 2007: 70).

марксистской традиции. Содержательным анализом собственно советской философии на Западе занимались очень немногие исследователи, так что для западных интеллектуалов язык, на котором писали советские философы, понятийный и категориальный аппарат, который они использовали, оставался преимущественно малопонятным. В ситуации же открытости философского процесса эта изначальная замкнутость и «непереводимость» стали серьезными препятствиями для представления себя западным философам и причиной того, что эта традиция так и осталась локальной и не получила развития в постсоветской Украине.

Наконец, далеко не всеми украинскими философами вообще признается факт того, что особая Киевская философская школа на самом деле существовала, а не является конструктом, сформированным в ходе поисков неутраченного времени. Согласно Анатолию Ермоленко,

Философ не может быть «местным ученым», философия не может быть философией «районного масштаба», как это, к сожалению, произошло с архаичным концептом «киевской антропологически-мировоззренческой школы», который превратился в симулякр, а то и в идеологему, которая используется некоторыми ловкачами от философии, превратившими ее в «легкий гешефт». (Jermolenko et al. 2019: 20–21)

Значимое для украинской философии наследие советских времен, утверждают критики, не сводится исключительно к мировоззренческой традиции, которую представляют как школу. В советские времена в Институте философии развивался и аналитический подход или «критический рационализм в широком значении этого слова» (Lisovij 2007: 80). Он был менее выразительным, по сравнению с диалектико-мировоззренческим, во многом потому, что в отличие от последнего имел большой критический потенциал и прямой выход на социально-политическую проблематику, что неизменно вызывало подозрение, но в конечном итоге именно он получил развитие в постсоветские времена, в том числе содействовав и становлению традиции коммуникативной философии, и постепенному развитию политической философии в Украине.

После развала СССР академическая философия в Украине перестала быть марксистской, а сам Маркс и его работы перестали быть предметом ее непосредственного интереса. К примеру, в период 2013 – 2021 годов в ведущем академическом философском журнале страны «Філософська думка» не было опубликовано ни одной статьи, посвященной философии Маркса. О марксизме не забыли, но в центре внимания оказался поздний советский марксизм и западный неомарксизм. За этим разделением на самом деле кроется глубокое сожаление об утрате после того, как философская истина стала истиной политической,¹ того интеллектуального пространства, которое отрыв «подлинный» Маркс и которое было практически недоступно советской философии. Не случайно, что высказывания и работы о позднем советском марксизме, которые мы находим в постсоветской Украине, преимущественно представляют собой попытку ответить на вопрос о том,

¹ В альтерсюрреалистской трактовке – стала идеологией, поскольку ее теоретическая функция стала вторичной, уступив место ее теоретически-социальной функции.

насколько травматичность пережитого опыта и сохраняющаяся историческая связь с этим ограничивающим мышление прошлым мешают дальнейшему философскому развитию.

Украинские философы не дали однозначного ответа. Для одних, интеллектуальное «грехопадение» советских времен было слишком сильно, чтобы можно было надеяться на возможность восстановления, а не на смену поколений. Как пишет Анатолий Лой, «лопнув словно мыльный пузырь, мировоззренческая философия восточного марксизма ... отошла в прошлое, по сути ничего после себя не оставив, потянула ее за собой идеология», а результатом ее, этой философии, «квазифаустовских заигрываний с тоталитарной идеологией в виде самоуверенного антропологического мировоззрения на деятельностных началах» стал «творческий паралич философов старшего поколения» (Loj 2003: 118, 130). Другие же либо отрицают «советскость» (что в рамках украинского интеллектуального дискурса означает «греховность») позднесоветской философии, утверждая, что те «повороты философской мысли, которые наблюдались в конце XX века» на Западе, «в определенном смысле свойственны и лучшим работам позднего советского марксизма» (Zagorodnûk 2003: 157), либо считают необходимым для украинских философов «свести свои счета с марксизмом», а точнее — с цинизмом позднего марксизма (Jermolenko 2003), поскольку на самом деле не верил в истинность марксистской теории, с тем, чтобы реализовывать уже в современных условиях утраченный в советские времена ее (этой теории) социально-критический потенциал. Эта идея того, что критическая и эмансипаторная энергия марксизма, а точнее будет сказать — западного неомарксизма, оказывается необходимой и в постсоветских государствах, как это может ни показаться на первый взгляд странным в украинском случае, принимая во внимание господствующий в Украине антикоммунистический нарратив, достаточно популярна. Роль критической социальной рефлексии, которая связывается с неомарксизмом, видится в том, что она помогает преодолеть обществу сохранившиеся советские практики, а конкретно — важна для «идеологической декоммунизации» общественной жизни (Е. Быстрицкий) и развития постколониальных и антиимпериалистических исследований, которые позволяют лучше понять особенности украинского общества и сформулировать стратегию его развития (С. Грабовский).

Академическая философия в постсоветской Украине позиционирует себя как наследницу сформировавшихся в позднесоветские времена, но вышедших за пределы ортодоксальной доктрины, традиций. Это, в определенном смысле, примиряет с прошлым. Тем не менее сам позднесоветский марксизм не нашел своего продолжения в постсоветские времена. Еще в середине 1960-х Луи Альтюссер справедливо отметил, что лозунг гуманизма, а именно этот лозунг выступает определяющим для киевской мировоззренческой традиции мысли, «не имеет теоретической ценности, он имеет ценность практического указания: от него следует перейти к самым конкретным проблемам» (Al'tyusser 2006: 352). Но именно этот переход позднесоветский марксизм, не совершил, да и, пожалуй, не мог совершить.

Фрагментация философского пространства

Философское пространство Украины после получения ею независимости очень быстро фрагментировалось.

С распадом Союза разрушилась существовавшая неформальная иерархия философских институтов, положение в которой определялось близостью к литературным источникам и власти. Последние обеспечивали несомненное первенство именно московскому Институту философии, а республиканским институтам – лидирующую роль, по сравнению с факультетами и кафедрами. В новых условиях доступ к литературе, международным школам и организациям перестал опосредоваться административными и академическими инстанциями, да и власть перестала быть заинтересована в контроле над философским процессом, что дало возможность факультетам, кафедрам и отдельным ученым (им как раз в первую очередь) самим непосредственно выстраивать коммуникацию с мировыми философскими центрами, зачастую ориентируясь в первую очередь на них, а не на своих украинских коллег.

А после того, как канула в лету марксистско-ленинская ортодоксия, вслед за общими организационными структурами философское пространство утратило общие базовые методологические принципы и понятийный аппарат. Это дало возможность для развития методологического плюрализма и различным направлениям, в частности, аналитической философии, феноменологии, практической философии, философско-богословской мысли, политической философии, гендерным исследованиям. В начале 1990-х годов прошли два украинских философских конгресса, которые были «попыткой организации философской жизни в Украине в советском стиле, с огромными собраниями и официальными съездами» (Minakov 2014: 403) и отличались стремлением выработать общее видение развития философской науки в новых условиях. Однако все эти организационные попытки оказались бесплодными. После 1995 года, когда состоялся II-й конгресс, подобные мероприятия уже не проводились. Примерно в это же время осуществляется и попытка замены «научного коммунизма» на «научный национализм»: с соответствующей инициативой, реализация которой привела бы к созданию некой интегрирующей идеологической «дисциплины», выступил ряд бывших преподавателей научного коммунизма. Но эта идея хоть и имела влиятельных сторонников, встретила сопротивление в Институте философии и поддержана на уровне правительства не была.

1990-е годы в Украине – это период активного институционального и неформального развития философии. Институт философии и философский факультет Киевского университета продолжали сохранять лидерские позиции, но параллельно стали возникать и новые философские центры. В 1991 году был создан (воссоздан после закрытия в 1817 году) университет «Киево-Могилянская академия» (НаУКМА). В отличие от Киевского университета, ориентированного на использование «собственных, украинских сил для трансформации и повышения качества философского образования», Киево-Могилянская академия реализовывала другую стратегию, внедряя «подход к образованию западным путем – при помощи стратегии

“liberal arts”» и привлекая к преподаванию западных профессоров (Minakov 2014: 411, 412). Академия довольно скоро стала одним из культурных и философских центров страны, во многом еще и потому, что туда на работу пришел ряд сильных преподавателей из Киевского университета и сотрудники Института философии. На протяжении долгого времени университет и академия представляли собой две разные культуры и практики образования. Первый был ориентирован по преимуществу на работу с классическими философскими текстами, тогда как подход, который реализовывала академия, хотя и уделял внимание исследованию философской классики, был больше открыт для творчества и дискуссии. Кроме того, в отличие от университета, академия с первых же дней своего существования для многих обладала особой романтической привлекательностью, поскольку не имела никакой связи с советской эпохой, но, наоборот, была одним из символов украинского национально-культурного возрождения, что, к слову, изначально определило и ее политическую направленность.

Философские факультеты и кафедры создавались на протяжении первого десятилетия независимости во многих городах страны. Например, в 1992 году был восстановлен закрытый после Второй мировой войны философский факультет Львовского национального университета имени И. Франко. С его довоенной работой была связана деятельность Львовско-варшавской философской школы, изучению наследия которой на восстановленном факультете сегодня уделяется много внимания. В 2000 году в философский факультет открылся в Одесском национальном университете, в 2001 – в Харьковском национальном университете имени В. Каразина, а в 2002 году на базе Львовской богословской академии был создан Украинский католический университет, при котором открыт философско-богословский факультет. В итоге, как было справедливо замечено (Jermolenko et al. 2019: 22), по украинским масштабам количество философских факультетов оказалось, пожалуй, слишком большим. А после 2014 года столько факультетов даже стало проблемой, поскольку в рамках реформы образования философия в Украине утратила статус обязательной дисциплины, который она имела в ВУЗах еще со времен СССР. В результате она во многих случаях была исключена из учебных курсов для студентов нефилософских специальностей, а значит и существенно сократилось количество рабочих мест для выпускников философских факультетов.

Философия в Украине, в особенности в первые два десятилетия ее независимости, – это философия не школ, а личностей. В частности, Киево-Могилянская академия стала центром исследований украинской философской мысли во многом благодаря профессору Вилену Горскому, содействовавшему развитию культурологического подхода в историко-философских исследованиях и, соответственно, вниманию исследователей не только, собственно, к философским работам, но и к работам по метафизике и богословию (см.: Menžulin 2015: 121–124). Развитие же феноменологии в независимой Украине начиналось с философского факультета Киевского университета,¹ благодаря деятельности профессора Анатолия

¹ Феноменологические исследования поддерживаются и философским факультетом Одесского национального университета, чему содействовала Нелли Иванова-Георгиевская (1956 – 2014).

Лоя, который содействовал и развитию кантовских исследований в стране. Также в Киевском университете при поддержке профессора Ирины Добронравовой (р. 1947) сохранилась сформировавшаяся еще в советские времена школа философии науки, а благодаря профессору Татьяне Аболиной (1950 – 2015) получила развитие теория прикладной этики. Если же, к примеру, вести речь о философии права, то сегодня в Украине она связывается в первую очередь с кафедрой теории и философии права харьковского Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого и в особенности с профессором этой кафедры Сергеем Максимовым (р. 1956).

Кроме новых факультетов, в Украине с середины 1990-х годов стали развиваться и общественные философские организации. Одной из первых стал Украинский философский фонд (1994), который действует и поныне. Евгений Быстрицкий (р. 1948), первый глава Фонда, а затем сменивший его на этом посту Сергей Пролеев (р. 1959) (после которого Фонд снова возглавил Быстрицкий) являются представителями среднего поколения украинских философов.¹ Деятельность Фонда имеет несколько направлений, но главное из них – это организация коммуникации между украинскими философами и их сотрудничество с зарубежными коллегами, а также содействие развитию научных исследований. На протяжении своей истории Фонд выступает объединяющей площадкой для самых разных философских сообществ и организаций. При нем действуют созданные во второй половине 1990-х такие организации как Украинское феноменологическое общество, Кантовское общество в Украине, Союз исследователей современной философии (Паскалевское общество), Общество русской философии. Фонд организовывал проведение конференций и международных летних школ, в работе которых принимали участие философы из постсоветских стран, так и европейские ученые. Он также оказывал активную поддержку издательской деятельности. Речь, в частности, идет о проекте издания переводов современных западных философов «Современная гуманитарная библиотека» (руководитель С. Пролеев), в рамках которого были изданы переводы на украинский язык работ Ю. Хабермаса, С. Жижека, К.-О. Апеля, С. Кричли, К. Байме, М. Хоркхаймера и многих других. Украинский философский фонд существует и в наши дни, но из-за проблем финансирования деятельность его заметно менее масштабна, чем ранее – например, Фонд уже не проводит международных летних школ и практически свернута программа переводов.

А вот общества продолжают активную деятельность. Их можно разделить на те, которые созданы как попытка восстановления философских обществ, существовавших ранее, и те общества, которые связаны уже с современными философскими традициями.

Так, созданное в 2016 году Львовское философское общество имени Казимира Твардовского претендует на продолжение традиций Польского философского

¹ К старшему поколению можно отнести «шестидесятников» – это и Мирослав Попович, и Сергей Крымский (1930 – 2010), и Виктор Малахов, и Василь Лисовый, и Виталий Табачковский, и Валерия Ничик (1928 – 2002). К среднему же поколению относятся, в частности, нынешний директор Института философии Анатолий Ермоленко, Анатолий Лой, Ирина Добронравова (р. 1947).

общества во Львове, прекратившего существование в 1939 году. А Общество русской философии по направлению своей работы близко к действовавшему столетие назад Киевскому религиозно-философскому обществу и Киевскому научно-философскому обществу, результатом исследования истории которых стала книга Натальи Филиппенко «Киевские философские общества XX века» (2021).

Что касается «современных» обществ, то необходимо особо выделить три. Благодаря деятельности основанного в 1999 году Союза исследователей современной философии (Паскалевского общества), к примеру, было осуществлено украиноязычное издание «Мыслей» Паскаля под научной редакцией главы Союза Олега Хомы, написавшего также обширные примечания и комментарии к тексту, «Медитаций» Декарта и «Монадологии» Лейбница. А именно благодаря Украинскому феноменологическому обществу (основано в 1998 году) мы можем говорить сегодня о развитии феноменологической философии и философской герменевтики в стране, о чем свидетельствуют, например, монографии Степана Кошарного «У истоков философской герменевтики» (1992) и «Феноменологическая концепция Э. Гуссерля: критический анализ» (2005), Андрея Богачова «Философская герменевтика» (2006) и «Опыт и смысл» (2011), диссертации Светланы Щербак «Интерсубъективность и социальность», Вахтанга Кебуладзе «Концепция опыта в трансцендентальной феноменологии», целая серия конференций и работа над переводами трудов западных феноменологов.

Кантовское общество в Украине (основано в 1998 году) по содержанию и масштабности своей деятельности является на сегодняшний день самым влиятельным. Международные кантовские конференции (1999–2008), семинары, статьи и монографии, среди которых укажем на книгу Михаила Минакова «История понятия опыта» (2011) и Виктора Козловского «Кантовская антропология: истоки, конstellляции, модели» (2015), работа над переводами кантовских текстов определяют кантоведение как одно из важных направлений философии в постсоветской Украине.

Стоит упомянуть и созданную в 1999 году благотворительную организацию «Центр практической философии». На сегодня она прекратила свое существование, но в первое десятилетие 2000-х годов деятельность Центра была достаточно заметна. Он не только организовывал конференции, летние школы и круглые столы, но, самое главное, издавал журнал «Практическая философия», и при нем действовало книжное издательство. Политика Центра состояла в отказе от финансирования переводов в пользу поддержки издания работ украинских философов. Именно в его издательстве вышли в свет первые монографии тех, кого можно назвать представителями молодого поколения украинских философов, в частности – Тараса Лютого, Марии Рогожи, Юрия Мелкова и Дениса Прокопова (1974 – 2014). Но, по большому счету, Центр пришелся не ко времени, что и определило его постепенное угасание. Украинское философское общество еще было сосредоточено на изучении традиции западной философии и переводах, а влиятельность журналу в философском сообществе придавало наличие среди его авторов маститых европейских интеллектуалов, вовлеченность в споры о

Европе, Украине, культуре, истории, языке, тогда как Центр, наоборот, преимущественно этого избегал.

Журналы и книги

Большую значимость в интеллектуальной жизни страны в 1990-е и в 2000-е годы играл и созданный еще в 1989 году львовским философом, культурологом, переводчиком Тарасом Возняком (р. 1957) независимый культурологический журнал «І». Первые же номера содержали литературные и философские эссе, подрывающие устоявшуюся на тот момент советскую культуру таких текстов, переводы Мартина Хайдеггера. Карла Ясперса, Витольда Гомбровича, Милана Кундеры, культурологические исследования, содержание которых сразу же обозначило направленность издания: изучение феномена Европы глазами восточного европейца, переосмысление украинской истории и культуры в контексте истории восточной Европы, анализ культурного феномена Галичины и развитие либерального политического дискурса. Впрочем, последняя задача часто входит в противоречие с правым политическим нарративом многих материалов журнала. Сегодня влияние этого журнала на интеллектуальную жизнь страны заметно снизилось.

Более же всего отвечал «философскому духу эпохи» 1990-х – первого десятилетия 2000-х годов журнал «Дух і Літера», который с 1997 года издавался Константином Сиговым (р. 1962), директором одноименного издательства и Центра европейских гуманитарных исследований НаУКМА, и Леонидом Финбергом (р. 1948), директором Центра исследований истории и культуры восточноевропейского еврейства НаУКМА. На страницах этого достаточно влиятельного в те годы журнала публиковались культурологические и философские исследования, переводы, эссе, статьи ведущих украинских, российских и европейских интеллектуалов, таких как Мирослав Попович, Жорж Нива, Сергей Аверинцев, Виктор Малахов и Поль Рикер. Со временем издание журнала прекратилось, но одноименное издательство, в котором выходят как переводы, так и работы украинских философов, не только сохранилось, но стало заниматься еще и исследовательской деятельностью, и является сегодня ведущим издательством интеллектуальной литературы Украины, фактически само по себе превратившись в культурный и интеллектуальный феномен.

Именно с «Духом і Літерою» и Константином Сиговым связана реализация проекта на стыке философии и филологии, который стал одним из весомых гуманитарных научных достижений независимой Украины. Речь идет о четырехтомном «Европейском словаре философии. Лексиконе непереводаемостей», над написанием которого под руководством Барбары Кассен работала международная команда авторов, в том числе и группа авторов из Украины, и который был издан на украинском языке «Духом і Літерою» (2009 – 2016). Более того, украинскими авторами словаря, которых собрало издательство, был написан еще дополнительный, пятый том, составленный полностью из украинских непереводаемостей, позволяющий исследовать происхождение уже не только европейских философских языков, что мы видим в первых четырех томах, но и украинского философского языка. Издание словаря стало важным этапом в работе по

формированию украинского философского языка. На протяжении многих лет она остается одним из главных направлений философской работы в целом, свидетельством чему является существование двух философских переводческих проектов – это упомянутый ранее проект «Современная гуманитарная библиотека» и возглавляемый Анатолием Ермоленко проект переводов современных немецких философов «Vernunft und Gesellschaft», в рамках которого были изданы труды В. Хесле, К. Майер-Абиха, Г. Йонаса. Важную роль играет и многолетняя систематическая деятельность «Лаборатории научного перевода», приложившей много усилий для перевода на украинский язык терминологии немецкой и британской философии.

Академические же философские журналы достаточно долгое время находились пусть и не на периферии интеллектуальной жизни, то, как минимум, в «тени». Старейший из них – «Філософська думка» – был основан еще в 1927 году и издается Институтом философии. В период с 1989 по 1997 год, когда в Украина стала развиваться социология, он имел название «Філософська та соціологічна думка», но после создания в системе Национальной академии наук Института социологии и начала издания последним журнала «Социология: теория, методы, маркетинг», вернул себе прежнее название. На протяжении долгого времени деятельность «Філософської думки» фактически ограничивалась публикацией статей, журнал, в силу разных обстоятельств, не был влиятельным интеллектуальным центром. Ситуация стала меняться в 2008 году, когда «Філософська думка» пережила реорганизацию. Журнал стал систематически проводить круглые столы, готовить тематические выпуски, к написанию материалов в которые приглашаются как украинские, так и иностранные авторы (можно упомянуть такие выпуски как «Феноменология сегодня», «Трансформация философского знания в постсоветской Украине», «Наследие Вебера», «Современная социальная философия», «Единство мира и разнообразие культур», «Современная политическая философия», Дело Мартина Хайдеггера», выпуски, посвященные философии в современных Грузии и Беларуси). Иными словами, журнал стал превращаться в интеллектуальную площадку, постепенно возвращая себе лидирующие позиции.

Союз исследователей современной философии стал основателем историко-философского журнала «Sententiae» (главный редактор Олег Хома). Это был один из ряда академических философских журналов, которые возникли в конце 1990-х – в начале 2000-х, но почти все они через достаточно непродолжительное время прекратили свое существование. Между тем «Sententiae» не только выжил, но и за двадцать один год сумел стать одним из ведущих профессиональных философских изданий, публикующих обстоятельные исследования преимущественно средневековой и современной философии, немецкого идеализма и аналитической традиции.

Что касается университетских изданий, то, к примеру, еще с советских времен выходит «Вестник Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Философия» (за свою долгую историю журнал неоднократно менял свое название), а в Киево-Могилянской академии с 1996 года издаются «Научные записки. Философия

и религиоведение», в которых публикуются по преимуществу преподаватели и аспиранты этих ВУЗов. Свои издания есть и при других философских факультетах, как правило – это «Вестники», отражающие научную жизнь конкретного научного коллектива. Определенным исключением является журнал «Докса», издающийся Одесским национальным университетом, большая часть выпусков которого является тематическими, в частности: «Немецкая феноменологическая традиция в философии, гуманитаристике и культуре», «Герменевтика текста и герменевтика судьбы», «Память и идентичность».

Как указывалось ранее, поле философии в Украине чрезвычайно фрагментировано. Речь идет не столько о существовании устоявшихся философских школ, сколько о наличии традиций, своеобразных достаточно замкнутых философских сообществ (или, скорее, микромиров), связанных с конкретными изданиями, кафедрами и отделами, внутри которых зачастую происходят интересные процессы.

К примеру, начатые еще во времена, когда директором Института философии был Павел Копнин, после получения Украиной независимости исследования в сфере истории украинской философии стали важной частью философского процесса в стране. Причем это направление чрезвычайно динамичное и неоднородное. Как указывает Сергей Йосипенко (р. 1966),

Если в Европе сегодня под историями национальных философских традиций понимаются истории научных течений или школ, зародившихся или развивающихся в отдельной стране и / или истории присутствия философии в образовательном, публичном, культурном пространстве, где непрерывность является очевидной, то для историков украинской философии, которые не хотят ограничиваться изучением отдельных эпизодов и берутся за написание синтетических или обобщающих работ, проблема непрерывности становится неиссякаемым источником методологических инноваций. (Josyenko 2012: 42)

Таким образом, споры о непрерывности, относительно канона украинской философии, ее этапах и принципах, сопровождают сегодня эти исследования, среди которых следует выделить монографии Владимира Литвинова (р. 1936) «Ренессансный гуманизм в Украине (Идеи гуманизма эпохи Возрождения в украинской философии XV – начала XVII века)» (2000), Сергея Йосипенко «К истокам украинской модерности: украинская раннеמודерная духовная культура в европейском контексте» (2008) и Мыколы Симчыча «Philosophia rationalis в Киево-Могилянской академии» (2009).

Сохранилась и традиция исследования философии немецкого идеализма, которая еще с советских времен была отличительной особенностью киевского Института философии. Первые десятилетия независимости мы видим интерес к тем же фигурам, что и в советские времена, а именно Гегелю, Канту, Фихте. В 2003 году была опубликована большая обзорная работа представителя старшего поколения украинских философов Михаила Булатова (1936 – 2020) «Немецкая классическая философия», часть 1: «Кант. Фихте. Шеллинг», часть 2: «Гегель. Фейербах». Но такие масштабные работы являются исключением. Для постсоветской ситуации в большей

степени характерны исследования отдельных тем, как книга Михаила Минакова «Учение Канта о вере разума» (2001), диссертация Владимира Приходько «Философия истории Й. Г. Фихте» (2002) или книга Дениса Кирюхина «Введение в философию религии Гегеля: философия как спекулятивная теология» (2009). При этом, наблюдается нарастание интереса к фигурам, которые в советские времена не были в центре внимания, например, Шеллингу (см.: Terlec'kuj 2021), и, наоборот, снижение интереса к Гегелю на фоне особого внимания к Канту (в Украине много лет действует Кантовское общество, есть Паскалевское общество, но вот Гегелевского общества нет), что связано с общей ориентацией философии в постсоветской Украине на нормативность. Последнее обстоятельство является причиной того, что политическая философия, связанная с критическим анализом, стала развиваться в независимой Украине достаточно поздно.

Предпосылками для ее развития стал аналитический подход, сформировавшийся в работах украинских философов еще в советские времена, один из представителей которого (Василь Лисовый) на протяжении 1998 – 2008 годов руководил реализацией масштабного проекта по изданию антологии политической мысли: «Либерализм» (2002), «Демократия» (2005), «Национализм. Теории нации и национализма от Йогана Фихте до Эрнеста Геллнера» (2006), «Консерватизм. Консервативная традиция политического мышления от Эдмунда Берка до Маргарет Тэтчер» (2008). А с другой стороны, большое влияние оказало развитие коммуникативной практической философии. Последняя, благодаря работам Анатолия Ермоленко «Этика ответственности и социальное бытие человека: современная немецкая практическая философия» (1994), «Социальная этика и экология: достоинство человека – почитание природы» (2010), «Дискурс. Коммуникация. Нравственность» (2021) представителей молодого поколения Алексея Ведрова «Науки об обществе и социальный прогресс. Эпистемологические и этические основы социальных наук с точки зрения философии коммуникации» (2014) и Артема Гергуна «Глобальная справедливость: контрверза универсализма и партикуляризма» (2016), начинает оформляться в самостоятельное философское направление в постсоветской Украине.

Что до собственно политической философии, то укажем на один примечательный факт. Авторские работы по политической философии стали появляться в Украине только в последние годы, причем целый ряд из них был изначально написан на английском языке и издан в Европе и США: например, монография Минакова «Развитие и дистопия. Исследование постсоветской Украины и Восточной Европы» (2018), коллективная монография под редакцией Дениса Кирюхина «Сообщество и традиция в глобальные времена» (2021) и диссертация Виктора Полетко «После публичного разума: доброжелательный плюрализм в либеральной демократии» (2021), защищенная в Лювенском католическом университете.

Пример политической философии является показательным с точки зрения отношения между различными философскими поколениями в Украине, а именно того, что между старшим и средним поколениями гораздо больше общего, чем между

средним и молодым.¹ Новое поколение украинских философов, активно заявившее о себе в последнее десятилетие, проявляет себя в том числе и в тех отраслях, которые ранее в Украине практически не развивались, а, соответственно, ориентируются уже не на философские традиции советских времен, а на иностранные школы и традиции. Речь идет не только о постепенно набирающей популярности политической философии, что видно на примере вышедших в последние годы монографий Владимира Ермоленко «Текущие идеологии. Идеи и политика в Европе XIX – XX веков» (2018), Минакова «Диалектика современности в Восточной Европе» (2020) и Кирюхина «Дискурсы справедливости в историческом контексте» (2021). Но и об исследованиях восточной философии, ислама, теологической и богословской мысли, нестандартном ракурсе рассмотрения традиционных философских тем. Монография Анастасии Стрелковой «Буддизм: философия пустоты» (2015) представляет собой авторский перевод и исследование буддийских сутр, Олег Ярош в книге «Ислам в публичной сфере: теории и общественные практики» (2020) исследует европейские исламские общественно-политические движения. Книги Тараса Лютого «Нигилизм: анатомия Ничто» (2002), «Приключения философских идей западного мира (от древности к современности)» (2019), «Культура прелестей и сопротивления» (2020) привлекли к чтению философских работ не только специалистов-философов. Работы Андрея Баумейстера «У истоков мышления и бытия» (2012) и «Фома Аквинский: вступление к мышлению. Бог, бытие и познание» (2012) – пример украинского неотомизма, возрождению которого активно содействуют Украинский католический университет и Институт религиозных наук св. Фомы Аквинского. Тогда как монография Юрия Черноморца «Византийский неоплатонизм: от Дионисия Ареопагита до Геннадия Схолярия» (2010) стала заметным событием православной богословской мысли. Впрочем, достижения в сфере неотомизма и богословия пока указанными работами фактически и исчерпываются.

Во многом с молодым поколением связан и феномен публичной философии. Еще в 1990-е годы в Украине возникали неформальные философские клубы, в заседаниях которых принимали участие те, кто интересовался философскими проблемами. Но широкого распространения они не получили, через какое-то время превратившись в закрытые тусовки для «своих», а затем и вовсе прекратив свою работу. А вот во второй половине 2010-х в украинском обществе сформировался отчетливый запрос на философию. Объемы, а часто и качество, преподавания философии в университетах для нефилософских специальностей за годы независимости за отдельным исключением существенно снизились, либо же философия вовсе перестала преподаваться для нефилософов. С другой стороны, активизировалась и усложнилась общественно-политическая жизнь, ориентация в которой потребовала знаний и смыслов, которые может дать только философия. Так сформировалась публика, готовая слушать философа. Это в своей большинстве молодые специалисты, у которых возникла потребность в философских знаниях, но

¹ Хотя, конечно, есть и случаи преемственности, как, к примеру, в этике – работа представителя младшего поколения Марии Рогожи «Социальная мораль: коллизии минимализма» (2009) написана под влиянием Татьяны Аболиной, а также в коммуникативной практической философии, на что обращалось внимание ранее.

они не смогли их получить во время учебы в вузах, остающихся очень консервативными в своих учебных программах. В результате в Украине возникло много публичных платформ, на которых философы стали читать курсы лекций. Причем в значительной мере эти лекции не столько служат источником конкретных знаний, сколько играют для слушателей роль мировоззренческой проповеди. Это новый и достаточно неожиданный поворот.

Заключение

Постсоветская философия, украинская философия, философия в Украине... О какой философии идет речь применительно к украинской ситуации?

Как видно из вышеизложенного, мы не можем говорить об украинской постсоветской философии как целостном феномене. За годы независимости философия в Украине проделала достаточно кропотливую и сложную работу, входе которой она сформировала отношение к марксистскому наследию. Результатом этой работы стало формирование представления о том, что философия независимой Украины является продолжением неортодоксальных и диссидентских направлений, которые возникли в 60-е – 70-е годы прошлого века в Советском Союзе. Противопоставив неомарксизм и марксизм-ленинизм, украинские философы в большинстве своем не осудили наследие Маркса, но при этом и не стали его развивать. Существующие сегодня в Украине неомарксистские инициативы и тексты, например, представленные в журнале «Спільне / Commons», возникают и развиваются вне академической философской среды. А связанный с изучением философского процесса в советские времена проект «Устная история философии», который реализуется группой молодых философов, направлен на удовлетворение археологического интереса тех, кто никогда не жил в Советском Союзе, а не на актуализацию наследия советской философии. Да и диалектико-мировоззренческая традиция, которую принято называть Киевской философской школой, не получила своего развития. Она много значила для философов-шестидесятников, к ее опыту готовы обращаться многие представители среднего поколения, однако новое поколение философов определяет себя уже в рамках других школ и традиций. Для этого поколения практически не наполнены смыслом связи с коллегами из постсоветского пространства. Какое-то время после развала Союза Москва по инерции оставалась центром притяжения для философов новых независимых государств, однако постепенно эти связи ослабевали. 2014 год стал тем поворотным моментом, после которого поддержание украинскими институтами официальных академических отношений с их российскими коллегами оказалось невозможным. Но, признаемся откровенно, этот разрыв принципиально мало повлиял на философский процесс в Украине, который ориентирован на развитие отношений с западными философскими центрами. Определенный запрос на интеллектуальный диалог «внутри» пространства государств, входивших в коммунистический блок, существует.

Реакцией на него стало, в частности, создание по инициативе украинских философов¹ либерально ориентированного сообщества «Койнэ», представляющего собой площадку диалога между интеллектуалами постсоветского пространства и Восточной Европы. В 2021 году сообществом был основан журнал «Кoinη. Альманах философской эссеистики». Он стал новой возможностью для публикации работ в области философии и содействует развитию жанра философского эссе, для которого практически нет места в академических философских журналах.

А вот вопрос о том, идет ли речь об украинской философии или философии в Украине все еще не решен. Фактически на сегодня существует две философии: та, которая связана с национальной идеей (украинская философия), и та, которая с ней непосредственно не связана (философия в Украине). Вероятно, на протяжении ближайших лет будет происходить постепенная конвергенция этих двух философий, чему в немалой степени содействует многолетняя работа по развитию украинского философского языка и терминологии.

Что же касается возникшего в последние годы в украинском обществе запроса на философию, то он, скорее, огорчает, чем вселяет надежды. Ведь это запрос не на критическую рефлексию, которая, собственно, и позволяет развиваться философии, а на готовые смыслы и истины. На фоне потребности власти в идеологической легитимации своей политики и готовности части философского сообщества этот запрос поддержать, риск возвращения «советской модели» организации философского процесса оказывается в такой ситуации чрезвычайно высоким.

¹ Среди них – Михаил Минаков, Михаил Кольцов, Виктор Малахов, Марк Найдорф, Юлия Решетникова, Светлана Щербак, Людмила Речич, Денис Криюхин, Владимир Фадеев, Александр Кулик, Михаил Шильман, Алексей Ведров и Вячеслав Цыба.

Bibliography:

- Al'tyusser, Luy. (2006). *Za Marksa* [From Rus.: For Marx]. Moskva: Praksys.
- Arendt, Hannah. (1990). Philosophy and Politics. *Social Research* 57 (1): 73-103.
- Bocheński, Józef Maria. (1967). Why Studies in Soviet Philosophy? In *Philosophy in the Soviet Union. A Survey of the Mid-Sixties*, Laszlo, Ervin (ed.). Dordrech: D. Reidel Publishing Company: 1-13.
- Boychenko, Ivan. (2013). *Filosofiya nezalezhnoyi Ukrayiny: vytoky, napryamy, predstavnyky* [From Ukr.: Philosophy of independent Ukraine: origins, directions, representatives]. Kyiv: Promin'.
- Boychenko, Mykhaylo. (2015). Naukovi shkoly v suchasniy vitchyznyaniy filosofiyi [From Ukr.: The scientific schools in the modern Ukrainian philosophy]. *Filosofs'ka dumka*, 3: 46-61
- Dmitriev, Aleksandr. (2010). Mertvaâ voda, sovsietkie mysliteli i gamburgskiy sçet [From Rus.: Dead Water, Soviet thinkers and the honest rating]. *Idei i idealy*, 4(6), t.2: 20-23.
- Hnatyuk, Olyayu (2005). Proshchannya z imperiyeyu. Ukrayins'ki dyskusiyi pro identychnist' [From Ukr.: Farewell to the Empire. Ukrainian discussions about identity]. Kyiv: Krytyka.
- Hrabovs'kyi, Serhiy. (2014). Vidrozhennya ukrayins'koyi filosofiyi v URSR (1960-1980 rr.) [From Ukr.: The revival of Ukrainian philosophy in the Ukrainian SSR (1960-1980)]. U *Tertium non datur. Problema kul'turnoyi identychnosti v literaturno-filosofs'komu dyskursi XIX-XXI st.*, Morenets'b, Volodymyr (red.). Kyiv: Vyd. NaUKMA: 326-365.
- Jasna, ĭlamì, Bekêškina, ĭrina, Verstûk, Vladislav, Êromolenko, Anatolij, Žabotins'ka, Svitalana, Kebuladze, Vahtang, Popoviç, Miroslav, Prolêêv, Sergij, Sigov, Oleksij, Skurativs'kyj, Vadim, Traç, Nadiâ. (2016). Diskurs Revolûcii Gidnosti: zmist, struktura, metodologiâ doslidžennâ [From Ukr.: Discourse of the Revolution of Dignity: content, structure, research methodology]. *Filosofs'ka dumka*, 4: 6-57.
- Jermolenko, Anatolij, Turçinovs'kyj, Volodimir, Fadêêv, Volodimir, Vêdrov, Oleksij, ĭvašenko, ĭvan, Ciba, V'âçeslav. (2019). Filosofîâ v Ukraïni: u viçnomu pošuku sebe [From Ukr.: Philosophy in Ukraine: in the eternal search for yourself]. *Ukraïna moderna*, 26: 23-30.
- Jermolenko, Anatolij. (2003). Piznij marksizm – filosofîâ ciniçnogo rozumu [From Ukr.: The Late Marxism is the philosophy of the cynical mind]. U *Piznij radâns'kyj marksizm ta s'ogodennâ (Do 70-riççâ Vadima ĭvanova)*. *Filosofs'ko-antropologiçni studii* 2003. Kiiv: Stilos: 131-142.
- Jermolenko, Anatolij. (2016) Filosofîâ Vasilâ Lisovogo u konteksti sučasnih filosofs'kih doslidžen' [From Ukr.: Philosophy of Vasyl Lisovyi in the context of current philosophic studies]. *Filosofs'ka dumka*, 6: 87-98
- Jolon, Petro. (2017). Znakova rol' Pavla Kopnina v perelomnyj period diâl'nosti Institutu filosofii (stattâ druga) [From Ukr.: Symbolic Role of Pavlo Kopnin in the Critical Period of Activities of the Institute of Philosophy (Article 2)]. *Filosofs'ka dumka*, 1: 42-56.
- Josypenko, Sergej. (2012). Istorîâ filosofii Ukrainy v 1950–2000 godah: koncepcii, polâ nauçnogo issledovaniâ, issledovatel'skie praktiki [From Rus.: The history of philosophy of Ukraine in 1950-2000: concepts, areas of scientific research, research practices]. V *Dovgirdovskie çteniâ II: filosofskaâ klassika i sovremennye problemy sociokul'turnogo razvitiâ: materialy meždunarodnoj nauçnoj konferencii, g. Minsk, 11 noâbrâ 2011 g.* Minsk: Pravo i èkonomika: 35-42.
- Josypenko, Sergij. (2019). ĭstorîâ filosofii ta problema vnutrišn'oï tâglosti nacional'noï filosofii [From Ukr.: The history of philosophy and the problem of the internal duration of national philosophy]. *Ukraïna moderna*, 26: 31-49
- Kamenka, Eugene. (1963). Philosophy in the Soviet Union. *Philosophy* 38 (143): 1-19.
- Karivec, Igor'. (1999). V Ukraine prodolžaet gospodstvovat' marksizm-leninizm [From Rus. Marxism-Leninism continues to dominate in Ukraine]. *Den'*, 177, <https://day.kyiv.ua/ru/article/pochta-dnya/v-ukraine-prodolzhaet-gospodstvovat-marksizm-leninizm> (accessed 27 November 2021).

- Kebuladze, Vahtang. Bogačov, Andrij, Kirizvas, Mariâ, Komarov, Oleksandr, Morenec', Volodimir, Oksenûk, Viktor. Oksenûk Roman, Prepotens'ka, Mariâ, Prolêêv, Sergij, Šubčuk, Mariâ. (2017). Filofofiâ u publičnomu prostori: Miž akademičnistû j populârnistû [From Ukr.: Philosophy in the Public Space: Between Academicity and Popularity]. *Filosofs'ka dumka*, 1: 6-27.
- Lisovyj, Vasil'. (2007). Ukraïns'ka filofs'ka dumka 60 – 80-h rokiv (stattâ perša) [From Ukr.: Ukrainian philosophical thought of the 60s-80s (Article 1)]. *Filosofs'ka dumka*, 3: 64-81
- Loj, Anatolij, Davidenko, Ìllâ, Mirošnik, Kseniâ, Popil', Dariâ. (2021). Rozum za «zaliznoû zavisoû»: ukraïns'ka filofs'ka pižn'ogo SRSR ta svitova nauka [From Ukr.: The Mind behind the Iron Curtain: Ukrainian philosophy of the late USSR and world science]. *Sententiae*, 40(2): 161-183
- Loj, Anatolij. (2003). Filofs'ka ta svitoglâd u pižn'omu marksizmi [From Ukr.: Philosophy and worldview in Late Marxism]. U *Pižnij radâns'kyj marksizm ta s'ogodennâ (Do 70-riččâ Vadima İvanova)*. *Filosofs'ko-antropologični studii* 2003. Kiïv: Stilos: 103-131.
- Melkov, Ūryj. (2014). *Človekomernost' postneklasičeskoj nauki* [From Rus.: Human-Dimensionality of Postclassical science]. Kiev: Izdatel' PARAPAN.
- Menžulin, Vadim. (2015). Istorîâ filofs'ki kak filofs'ka [From Rus.: The history of philosophy as a philosophy]. V *Politiki znaniâ i naučnye soobšestva*, Kebuladze, Vahtang (red.). Vil'nûs: Evropejskij gumanitarnyj universitet: 119-172.
- Mihal'čenko, Mikola. (2004). *Ukraïna âk nova istorična real'nist': zapasnyj gravec' Ėvropi* [From Ukr.: Ukraine as a new historical reality: the reserve player of Europe]. Drohobič: VF Vidrodžennâ.
- Minakov, Mihail. (2014). Transformacii filofs'kogo obrazovaniâ v Ukraïne v konce XX v. (1986-1995 gg.) [From Rus.: The transformations of philosophical education in Ukraine at the end of the twentieth century (1986-1995)]. *Forum novejšej vostočnoevropejskoj istorii i kul'tury*, 2: 355-417.
- Rawls, John. (2001). *Justice as Fairness: A Restatement*, Kelly, Erin (ed.). Cambridge, London: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Šeremeta, Oksana. (2013). Radâns'ki doslidžennâ filofs'koï dumki Ukraïni: ideologičnyj ta administrativnyj kontekst doslidnic'kih strategij [From Ukr.: Soviet investigations of the philosophic thought of Ukraine: ideological and administrative context of research strategies]. *Filosofs'ka dumka*, 1: 90-102.
- Ševčuk, Dmitro. (2012). *Sučasna politična filofs'ka. Navčal'nyj posibnik* [From Ukr.: Modern political philosophy: the textbook]. Ostrog: Vidavnictvo Nacional'nogo univrsitetu «Ostroz'ka akademiâ».
- Tabačkovs'kyj, Vitalij (2002). *U pošukah nevtračenogo času (Narisi pro tvorču spadšinu ukraïns'kih filofs'ko-šestidesâtnikiv)* [From Ukr.: In search of unlost time (Essays on the creative heritage of Ukrainian philosophers of the Sixties)]. Kiïv: Vidavec' PARAPAN.
- Terlec'kyj, Vitalij. (2021). Doslidžennâ nimec'koï klasičnoï filofs'ki v İstitutì filofs'ki [From Ukr.: Research of German classical philosophy at the Institute of Philosophy]. *Filosofs'ka dumka*, 4:38-54.
- Tur, Mikola. (2006). *Neklasični modeli legitimačii social'nih institutiv* [From Ukr.: The Non-classical models of social institutions' legitimačion]. Kiïv: Vidavec' PARAPAN.
- Zagorodnûk, Valerij. (2003). Pižnij radâns'kyj marksizm ta postmodernizm. U *Pižnij radâns'kyj marksizm ta s'ogodennâ (Do 70-riččâ Vadima İvanova)*. *Filosofs'ko-antropologični studii* 2003. Kiïv: Stilos: 157-171
- Ždanov, Andrej. (1952) *Vystuplenie na diskussii po knige G.F.Aleksandrova «Istorîâ zapadnoevropejskoj filofs'ki» 24 iúnâ 1947 goda* [From Rus.: Speech at the discussion on the book "History of Western European Philosophy" by Grigory Alexandrov on June 24, 1947]. Moskva: Gospolitizdat.